

- ³ РГАЛИ. Ф. 1547. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 48 об., 49; Государственный литературный музей (ГЛМ). Ф. 392 (Фонд П. Г. Богатырева). Ед. хр. 90. Инв. № 392. Л. 68 об., 69.
- ⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 1547. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 85.
- ⁵ ГЛМ. Ф. 392. Ед. хр. 90. Л. 111, 117.
- ⁶ См.: ГЛМ. Ф. 392. Ед. хр. 90, 91. Первое указание: *Сорокина С.* Синхронно-функциональный метод исследования фольклорной традиции в трудах П. Г. Богатырева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. С. 8–9.
- ⁷ ГЛМ. Ф. 392. Ед. хр. 90. Л. 116.
- ⁸ Там же. Л. 116, 7 об.
- ⁹ См.: *Самоделова Е.* Сказки и сказочники Центральной России в конце XX – начале XXI веков: Наблюдение-исследование // *Рязанский этнографический вестн.* Вып. 51: в 2 т. / гл. ред. В. В. Коростылев. Рязань, 2013. Т. 2. С. 41–42.
- ¹⁰ ГЛМ. Ф. 392. Ед. хр. 90. Л. 116.
- ¹¹ ГЛМ. ФА. Инв. № 23/1. Ед. хр. 1 – Протоколы Комиссии по народной словесности при этнографическом отделе ОЛЕАЭ. 1911–1916. Л. 36–36 об. XXI. № 29.
- ¹² Там же. Л. 37 об.–38.
- ¹³ ГЛМ. Ф. 392. Ед. хр. 90. Л. 111.
- ¹⁴ См.: *Этнографическое обозрение.* 1915. № 3–4. С. 147–148.
- ¹⁵ Фольклорные темы на заседаниях Московского лингвистического кружка (вступ. ст. и подг. текста А. Л. Топоркова; коммент. А. Л. Топоркова и А. А. Панченко) // *Неизвестные страницы русской фольклористики / отв. ред. А. Л. Топорков.* М., 2015. С. 138; ИРЯ РАН. РО. Ф. 20. Ед. хр. 16. Л. 403.
- ¹⁶ См.: *Фольклорные темы на заседаниях Московского лингвистического кружка.* С. 139.
- ¹⁷ ГЛМ. Ф. 392. Ед. хр. 92. Л. 4.
- ¹⁸ См.: *Самоделова Е.* Сказки Московской земли (По данным государственных архивов г. Москвы) // *Москва в русской и мировой литературе: сб.* М., 2000. С. 257–294.
- ¹⁹ *Богатырев П.* Магические действия, обряды и верования Закарпатья // *Богатырев П.* Народная культура славян. М., 2007. С. 284. (Сер. Семиотика.)

УДК 821.161.1.09-1

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ В СОДЕРЖАНИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

С. С. Александров

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: sereza-1988@mail.ru

В статье рассматривается проявление фантастического в «Слове о полку Игореве» на сюжетно-композиционном и образном уровнях текста.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», фантастика, древнерусская литература, фольклор, вымысел, реальность.

The Fantastic in *The Tale of Igor's Campaign* Content

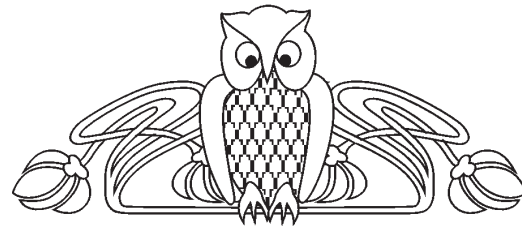
S. S. Aleksandrov

The article regards how the fantastic constituent is revealed on the plot, composition, and image levels of the text of *The Tale of Igor's Campaign*.

Key words: *The Tale of Igor's Campaign*, fantastic, Old Russian literature, folklore, fiction, reality.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-2-160-164

За более чем двухвековую историю изучения «Слова о полку Игореве» накоплена огромная научная литература. Порою даже кажется, что выдающееся произведение XII в. настолько всесторонне изучено, что и сказать о нём что-то новое весьма затруднительно. Однако, по словам Д. С. Лихачёва, «этот памятник вечно свеж», а значит, всегда можно найти угол зрения, под которым в послании из глубины веков высветятся

новые, подчас неожиданные смыслы, в частности, связанные с ролью фантастического в «Слове».

Д. С. Лихачёв предлагает рассматривать «Слово» в историко-литературном контексте. Результатом подобного рассмотрения является тезис: «“Слово о полку Игореве” не выходит за пределы художественных возможностей своего времени, но эти возможности оно использует в полной мере, до предела»¹. Однако если рассматривать это произведение с точки зрения художественного вымысла, оно всё-таки неординарно. Далее исследователь пишет: «Оно [«Слово»] создаёт обобщения, образы на основе разнообразного исторического материала, и в ограниченной мере, но всё же, пользуется *вымыслом*»² (курсив наш. – С. А.). Вымысел, в свою очередь, является одним из средств создания «фантастической реальности» в «Слове»: «...“Слово о полку Игореве” вводит фантастический элемент в характеристику действующих лиц своего повествования. Это по преимуществу относится к лицам, представляющим историческое прошлое Руси: к Бояну и Всеславу Полоцкому. Вымысел играет существенную роль в создании этих образов. При этом автор не выдаёт своего вымысла за действительность... Он чисто литературный, *условный*»³ (курсив наш. – С. А.). Эта особенность поэтики выделяет «Слово» из

ряда других произведений древнерусской словесности. В нём фантастика, имеющая народные истоки, представляется игрой воображения, тогда как в житиях и воинских повестях чудесное – это проявление фантастического, непосредственно связанного с христианско-религиозным мировоззрением людей той эпохи. Д. С. Лихачёв отмечает: «Вымысел – чудеса, видения, сбывающиеся пророчества (древнерусский. – С. А.) писатель выдаёт за реальные факты и сам в огромном большинстве случаев верит в их реальность»⁴. В этой связи наше обращение к фантастическим эпизодам «Слова» вполне закономерно.

В специальной литературе (работы Д. С. Лихачёва, Т. М. Акимовой, А. С. Дёмина) есть лишь отдельные наблюдения над природой фантастического в «Слове» (основательнее всего изучена образная сторона). В изучении рассматриваемой темы существуют две крайности: исследователи либо недооценивают значимость фантастических элементов, например В. П. Адрианова-Перетц⁵, либо, напротив, преувеличивают её. В частности, А. С. Дёмин считает фантастическим всё, что сближает «Слово» с героическим эпосом. Так, в характеристике воинов-курян («А мои ти куряне сведоми къмети») исследователь видит «фантастический изобразительный мотив постоянной окружённости курян оружием с самого их рождения, причём вооружением, находящимся в идеальном состоянии»⁶, что, обратим внимание, свойственно для героического эпоса с его идеализацией и героизацией. Мы на этот счёт как раз придерживаемся точки зрения В. П. Адриановой-Перетц: «...это идеальные воины, с самого рождения воспитанные в воинских обычаях, и воинская удача их описывается в преувеличенных очертаниях, половецкими богатствами, отнятыми у бегущего врага...»⁷ В этой связи для нас важным представляется замечание В. П. Автономовой: «Не всякое невозможное будет являться фантастическим»⁸. Само же понятие «фантастика» исследовательница определяет следующим образом: «...фантастика... – нарочитая, подчёркиваемая самим художником невероятность измышленных им образов и мотивов, условно применяемых в качестве художественного средства»⁹, с чем нельзя не согласиться. Она размышляет также над соотношением реального и фантастического: «...фантастическое всегда содержит зерно действительности, но отражает последнюю опосредованной сознанием субъекта»¹⁰.

В соответствии с обозначенным аспектом мы обратимся к эпизодам солнечного затмения, выезда войска князя Игоря в поход, сражений, сна киевского князя Святослава, рассказа о Всеславе Полоцком, плача Ярославны, побега Игоря из плена с целью выявления художественной значимости фантастических элементов на сюжетном и образном уровнях. Причём некоторые эпизоды интересны не только как элементы сюжетно-композиционной структуры, но и как самостоятельные

явления, поскольку именно в них фантастическое начало проявляется наиболее отчётливо (побег Игоря из плена и рассказ о Всеславе Полоцком). Начнём с эпизода солнечного затмения.

Прежде чем вести речь о «Слове о полку Игореве», обратимся к двум летописным рассказам о походе князя Игоря на половцев 1185 г. (Ипатьевская летопись) и 1186 г. (Лаврентьевская летопись).

В рассказе Ипатьевской летописи сообщается лишь о факте затмения – «солнце стояще, яко месяц»¹¹. Можно предположить, что в данном случае для летописца важнее было зафиксировать факт солнечного затмения в его значимости, а не описать явление природы, что вполне согласуется с летописной традицией. Летописец не только реагирует о факте затмения, но и показывает реакцию князя и бояр на это явление: «...братья и дружино! Тайны Божия никто же не весть, а знаменю творець Бог и всему миру своему, а нам что створит Бог или на добро или на наше зло, а то же намъ видети»¹². Обращение князя к боярам не остаётся без ответа: «...княже, есть ни на добро знамение се»¹³. Бояре с уверенностью говорят Игорю, что поход обречён на неудачу, чего в «Слове» мы не наблюдаем, можно уловить лишь тревожное ощущение его творца, выраженное через символическую картину. В летописи отважный князь, несмотря на это предостережение, ссылаясь на Божий промысел, принимает решение идти в поход. И, таким образом, дальнейшее сюжетное движение летописного повествования подчёркивает неправоту князя Игоря, особенно сильно ощущаемую в его покаянной речи. В «Слове» же мы не находим того христианско-религиозного назидания, какое присуще летописи.

В рассказе Лаврентьевской летописи описание солнечного затмения более развёрнуто: «...в среду на вечери бысть знамение солнц и морочно бысть велми, яко и звезды видети человеком к огню, яко землею бяше и солнце учения, яко месяц из рогы, яко угль жаровь исхожаше: страшно бевидети человеком знамение Божье»¹⁴.

Отметим, что помимо выразительного описания явления есть ещё и авторская оценка: «страшно». Это наречие усиливает и без того яркое впечатление.

В «Слове» же затмение *изображается* (термин А. С. Дёмина) несколькими фразами, рисуящими яркую картину, из которой читателю становится понятно, что печальный итог будущего сражения неизбежен: «...тогда Игорь възре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты»¹⁵. На сюжетно-композиционном уровне этот эпизод можно соотнести с *завязкой*. О роли природы в «Слове» очень точно написал Д. С. Лихачёв: «Говоря о природе, он [автор] не рисует пейзажей в нашем смысле этого слова, а повествует о действиях природы, о реакции природы на события. Событиям у людей соответствующим событиям в природе... Природа в “Слове” не

фон событий и не декорация для них – она сама действующее лицо или, может быть, нечто вроде античного хора. Природа откликается на события как своеобразный помощник рассказчика, выражающий авторское мнение, авторские чувства»¹⁶.

Но природа интересует нас не только как активное действующее лицо повествования. Одухотворённость природы в духе народного творчества (Т. М. Акимова)¹⁷ даёт нам возможность рассматривать её как фантастическую силу, ведь затмение солнца – это тоже природное явление. Природа принимает активное участие и в эпизоде выезда Игоревы войска в поход: «Тогда вступил Игорь князь в злать стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонуши ему грозою, птичь убуду; свист зверин вьста; збися Див, кличет верху древа – велит послушати земли незнаеме, Вльзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмутараканьский блъван!» (12). Даже в эпизоде после первого удачного сражения в голосе природы звучат тревожные интонации: «Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело! Не было оно обиде порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчине» (14). Природа очень выразительно передаёт ощущение тревоги за русских воинов перед вторым неудачным сражением: «Другаго дни велми рано кровавья зори свет поведають; черныя туча с моря идуть, хотя прикрыти 4 солнца, а в них трепешуть синии молнии. Быти грому великому! Идти дождю стрелами с Дону великаго! Ту сякопием приламати, ту ся саблям потручяти о шеломы половецкыя, на реце на Каяле, у Дону великаго. О Руская земле, уже за шеломянем еси!» (12). В этом описании А. С. Дёмин усматривает изобразительный мотив, что по его логике является проявлением фантастики. Он пишет: «...предметы как бы без людей участвуют в битве, показывая её “техническую” бесчеловечность, о какой раньше и “не слышано” было»¹⁸. Мы, однако, солидарны с В. П. Адриановой-Перетц, считавшей, что здесь мы снова сталкиваемся с былинной идеализацией, а не с проявлением фантастического: «Гиперболизируя воинскую доблесть и политическую власть своих героев, “Слово о полку Игореве”, подобно героическому эпосу, не выходит за границы правдоподобия, не делает людей сверхъестественными существами, не наделяет их ни необычным ростом, ни небывалой физической силой; их идеализированная доблесть, как и у героев народного эпоса, проявляется лишь в моменты схватки с врагом. Только на поле битвы они “кликом плъки побеждают” <...> Идеализация определённых сторон действительности в “Слове” – поэтический способ передачи отношения к ней автора: в центре внимания его люди, которые, как и в устном героическом эпосе, *своими силами* будут бороться с врагом, не взывая к помощи потустороннего мира»¹⁹.

На момент встречи двух войск природа откликается следующим образом: «Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя полкы Игоревы. Земля тутнет, реки мутно текутъ; пороси поля прикрывають; стязи глаголют – половци идуть от Дона и от моря; и от всех стран Рускыя полкы оступиша. Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрии русици преградиша черлеными щиты» (14–15). Итог битвы выражен по-летописному кратко: «Бишася день, бишася другый; третьяго дни к полуднию падоша стязи Игоревы» (14–15).

Ещё один эпизод, в котором проявляется действительность предсказания неизбежности трагического исхода похода, – это сон киевского князя Святослава. Уже первые его строки настраивают читателя на минорный лад: «А Святослав мутенъ сонъ виде в Киеве на горахъ» (19). Мутный сон – неясный сон, тревожный сон. Главная тема сна – тема смерти: «Си ночь, с вечера, одевахуть мя – рече – чьрною паполомою на кровати тисове; черпахуть ми синее вино, с трудомъ смешено; сыпахуть ми тощими тулы поганых толковин великий женчюгъ на лоно и неговахуть мя. Уже доски без кнеса в моемъ тереме златоверсемъ; всю ночь с вечера босуви врани възграяху у Плеснеска на болони, беша дебръ Кисаню и не сошлю к синему морю» (19). В ответе бояр звучит известие о сбывшемся предопределении судьбы князей Игоря и Всеволода: «Уже, княже, тугаумъ полонила: се бо два сокола слетеста съ отня стола злата поискати града Тьмутараканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припешали поганыхъ саблями, а самаю опуташа в путины железны» (19). В этом, на наш взгляд, очевидно проявление фантастического, как и в том, что увиденное во сне реализуется в действительности. На сюжетном уровне сон Святослава поддерживает и подтверждает значимость предопределения, обнаруживаемого в эпизоде солнечного затмения.

Эпизод, подготавливающий быстрю, стремительную развязку, – это плач Ярославны. На мольбу жены Игоря, обращённую к трём стихиям, откликаются и бог, и природа, помогая Игорю бежать из половецкого плена.

Побег Игоря из плена интересен нам не только как *развязка* повествования, но и отдельно, как самостоятельный эпизод, так как в нём ощущается близость «Слова о полку Игореве» к фантастике русской волшебной сказки. Д. С. Лихачёв писал: «Динамические свойства той “модели мира”, которую создал в своём произведении автор “Слова”, чрезвычайно близки к народной сказке. Там также события совершаются как бы без физического усилия; об этом свидетельствуют и обычные сказочные присказки: “сказано – сделано”, “близко ли – далеко ли, низко ли – высоко ли”, а также различные сказочные “орудия”, облегчающие действия сказочных персонажей: ковёр-самолёт, скатерть-самобранка, шапка-невидимка, волшебные слова,

по которым всё исполняется, помощные звери и волшебные помощники людей. Сказочные персонажи не знают сопротивления физической среды, они знают только препятствия в виде посторонней персонифицированной злой воли – так же, как в «Слове»²⁰. Этим же действием, совершающимся без усилий, учёный объясняет персонификацию и овеществление отвлечённых понятий обиды, славы и др.: «Эти отвлечённые понятия материализуются, приобретают способность действовать, как физическая материя: они текут, сеются, растут, разливаются, пробуждаются, усыпляются, куются. Веселие поникает, “туга” полоняет ум, “жирная печаль” течёт по Русской земле»²¹.

Продолжает линию соотнесения «Слова» с волшебной сказкой Н. С. Демкова. Она отмечает сюжетно-композиционные узлы, общие для произведений литературы и фольклора: «Для изучения композиции и художественной структуры важно отметить, что схема волшебной сказки, использованная в “Слове” в связи с изображением судьбы князя Игоря, отразилась не только в эпизоде бегства Игоря из плена: элементы её обнаруживаются в разных фрагментах текста – и в плаче Ярославны (выкликание из смерти), и в описании пленения князя (семантика упоминания отдельных деталей в “Слове” напоминает о царстве мёртвых), и в описании выезда в поход (Игорь нарушает “запрет” – выезжает вопреки солнечному затмению)»²². Подобное «переключение» читателя с одной традиции на другую исследовательница объясняет особенностями изображения в средневековой литературе: «...тема определяет художественные средства изображения»²³. В роли волшебного помощника в этом эпизоде «Слова» выступает природа: «Кликну; стукну земля, вшуме трава, вежи ся половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаем к тростию и белым гоголем на воду. Въвержеся на борз комонь и скочи с него босым волком. И потече к лугу Донца и полете соколом под мыглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обеду и ужине. Коли Игорь соколом полете, тогда Влур волком потече, труся собою студеную росу; преторгостабо своя борзая комоня... Донец рече: “Княже Игорю! Не малоти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселия!” Игорь рече: “О, Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на волнах, стлавшу ему зелену траву на своих серебряных брезех, одевавшу его теплыми мглами подь сению зелену древу; стрежаше его гоголемь на воде, чайцами на струяхъ, чернядьми на ветрехъ”» (27–29). Д. С. Лихачёв отмечает, что туманные ночи теплее, поэтому ночь «одевает» в туманы беглеца²⁴.

В «Слове о полку Игореве» содержится рассказ о Всеславе Полоцком: «Всеслав князь людемь судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь влькомь рыскаше: изъ Кыева дорыскаше до курь Тьмутороканя: великому Хрьсов и влькомь путь прерыскаше» (26), в котором также обнаружива-

ется близость рассматриваемого произведения к сказочной фантастике. На эту мысль нас навели суждения Д. С. Лихачёва: «...оборотничество Всеслава Полоцкого – такая же литературная условность, необходимая для создания яркого образа князя-вотчинника, как и оборотничество Бояна, необходимая для создания искусного и вдохновенного певца-поэта. Всеслав сравнивается с лютым зверем, он волком рыскает ночью, перерыскивает путь великому Хорсу. Но это вовсе не значит, что автор “Слова” действительно считал Всеслава Волхвом, что он верил в его оборотничество. Автор “Слова” также мало верил в способность Всеслава перевоплотиться в волка, как и в языческого бога Хорса, которому Всеслав якобы перерыскивал при этом путь, или в способность Бояна носиться серым волком и летать сизым орлом»²⁵. Не менее ценными представляются нам и замечания В. П. Автономовой, отметившей отличия эпической фантастики от сказочной. По её мнению, фантастика в былине воспринимается как часть реальности, тогда как «превращение в сказке – типичное проявление волшебства, выполняющее функцию мотивировки общей фантастической атмосферы в её сюжете...»²⁶ В былине же колдовство и оборотничество даны «как реальные, имеющие широкое распространение, а потому не вызывающие удивления»²⁷.

В заключение отметим, что Д. С. Лихачёв называет волшебником не только певца Баяна, но и автора «Слова», ведь он, с одной стороны, повествует о событиях, которые хорошо известны читателю, а с другой – искусно держит того в напряжённой тревоге за судьбу войска Игоря. Это даёт нам основание считать проявления фантастики средством беллетризации повествования.

Таким образом, следует подчеркнуть, что фантастика в «Слове о полку Игореве», обнаруживаясь на разных уровнях текста: сюжетно-композиционном и образном, имеет преимущественно народную (сказочную) основу. Нельзя отрицать, что фантастические элементы выполняют сюжетную функцию, поскольку весь сюжет представляет собой реализацию предопределения, уловимого уже в картине солнечного затмения и проявившемся наиболее отчётливо в тягостном сне князя Святослава. Немаловажно отметить, что фантастика в «Слове» несёт еще и эмоционально-эстетическую нагрузку, так как она используется автором для создания общего колорита произведения, атмосферы необычайного.

Примечания

- ¹ Лихачёв Д. «Слово о полку Игореве» – героический пролог русской литературы. Л., 1967. С. 46.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Лихачёв Д. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 108.

- ⁵ См.: Адрианова-Перетц В. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 291–319.
- ⁶ Дёмин А. Автор «Слова о полку Игореве»: героические мотивы // Дёмин А. Поэтика древнерусской литературы XI–XIII вв. М., 1998. С. 43.
- ⁷ Адрианова-Перетц В. Указ. соч. С. 299.
- ⁸ Автономова В. Художественное своеобразие фантастики в русском героическом эпосе. Саратов, 1981. С. 4.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 5.
- ¹¹ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 352.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Памятники литературы Древней Руси. XII век. С. 366.
- ¹⁵ Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 10. Далее текст «Слова» цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ¹⁶ Лихачёв Д. Произведения XI–XIII вв., стоящие вне жанровых систем // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. М.; Л. 1970. С. 205.
- ¹⁷ См.: Акимов Т. Призыв к единению // Волга. 1985. № 6.
- ¹⁸ Дёмин А. Указ. соч. С. 43.
- ¹⁹ Адрианова-Перетц В. Указ. соч. С. 300.
- ²⁰ Лихачёв Д. Произведения XI–XIII вв., стоящие вне жанровых систем. С. 201.
- ²¹ Там же. С. 202.
- ²² Демкова Н. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. СПб, 1997. С. 62.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: Лихачёв Д. Произведения XI–XIII вв., стоящие вне жанровых систем.
- ²⁵ Лихачёв Д. «Слово о полку Игореве» – героический пролог русской литературы. С. 46.
- ²⁶ Автономова В. Указ. соч. С. 61.
- ²⁷ Там же.

УДК 821.161.1.09-31+929[Окуджав+Карамзин]

КАРАМЗИНСКИЙ КОД В РОМАНЕ Б. ОКУДЖАВЫ «СВИДАНИЕ С БОНАПАРТОМ». СТАТЬЯ 1: «АРИНА ИЗ ДЕВИЧЬЕЙ»

В. В. Биткинова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: bitkinova@mail.ru

В двух статьях предполагается рассмотреть карамзинские реминисценции (в основном – повести «Бедная Лиза») в романе Б. Ш. Окуджавы «Свидание с Бонапартом». Первая статья посвящена сюжетным линиям романа, связанным с образом крепостной Арины. В них реализуется одна из важнейших исторических проблем произведения (крепостное право) и содержатся выходы на актуальные вопросы взаимоотношений интеллигенции и народа, внешней и внутренней свободы.

Ключевые слова: Б. Ш. Окуджава, Н. М. Карамзин, реминисценции, сюжет «Бедной Лизы».

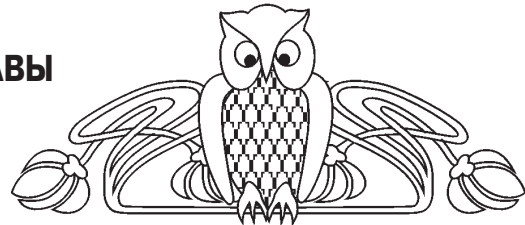
Karamzin's Code in B. Okudzhava's Novel *A Date with Bonaparte*. Article 1. *Arina from the Maidservants' Room*

V. V. Bitkinova

In two articles we propose to consider Karamzin's reminiscences (predominantly from the novel *Poor Liza*) in the novel by B. Sh. Okudzhava *A Date with Bonaparte*. The first article is dedicated to the plot lines of the novel related to the image of the serf Arina. One of the most important historic problems of the novel is actualized in them (serfdom); they also contain links to the up-to-date issues of the relationships between the intelligentsia and the people, inner and outer freedom.

Key words: B. Sh. Okudzhava, N. M. Karamzin, reminiscences, plot of *Poor Liza*.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-2-164-173

Значительная роль реминисценций русской классической литературы в исторических романах Б. Ш. Окуджавы отмечалась неоднократно. М. И. Назаренко, выявляя связующие принципы окуджавовской «исторической тетралогии» («Бедный Авросимов» (1965–1968), «Похождения Шипова, или Старинный водевиль» (1969–1970), «Путешествие дилетантов» (1971–1977), «Свидание с Бонапартом» (1979–1983)), называет среди них и «тему русской литературы». Интерпретируя своеобразный приём анахронизма – цитирование, опережающее не только время создания precedentного произведения, но и породившую его ситуацию (например, лермонтовское «Скажи-ка, дядя» ещё до входа французов в Москву), Назаренко высказывает предположение, что такие случаи «оказываются предвестниками будущего превращения истории в литературу», и даже (на наш взгляд, всё же несколько увлекаясь) что «для Окуджавы литература является едва ли не главной целью истории»¹.

Э. М. Зобнина в диссертации, посвящённой традициям русской литературы XIX в. в романах Окуджавы, предлагает использовать по отношению к ним термин «культурологический роман», ссылаясь в том числе на впечатление критиков-современников². По мнению Зобниной, основным предметом изображения писателя является «русская дворянская культура XIX в., увиденная глазами человека XX в.»³ И этот «образ куль-